Суеверия викторианской Англии

Автор:
Наталья Харса

Суеверия викторианской Англии

Наталья Харса

Екатерина Коути

Авторы книги пересказывают для русской аудитории легенды, приметы, сказки и баллады, популярные в Англии XIX века. Быт англичан показан здесь через призму обычаев и суеверий. Вся жизнь подданного Британской империи с момента рождения и до смерти сопровождалась незыблемыми традициями и обрядами, многие из которых вызывают сегодня смех и недоумение. Издание рассчитано на широкий круг читателей, но в первую очередь на тех, кто увлекается историей XIX века, мифологией, фольклором, а также мистикой и суевериями. Книга не имеет аналогов и вызовет интерес у специалистов: филологов, историков и переводчиков, вынужденных вести самостоятельный поиск материала среди многочисленных зарубежных научных публикаций. Тема британского фольклора в повседневности викторианской эпохи затрагивается для русского читателя впервые. Большая часть материалов ранее на русский язык не переводилась. Вас ждет увлекательное чтение о восприятии мира, праздниках, свадьбах и гаданиях, рождении и смерти, бытовые и профессиональные суеверия и многое другое.

Екатерина Коути, Наталья Харса

Суеверия викторианской Англии

Авторы выражают благодарность Людмиле и Константину Треножникевым, Алие Зубаировой, Елене Плужниковой, Елене Прокофьевой, Елене Первушиной,

доктору исторических наук, профессору Чеканцевой Зинаиде Алексеевне (РГГУ) и профессорам Университета Техаса в Остине, в особенности Сандре Штраубаар, Элизабет Ричмонд-Гарза и Томасу Гарза

От авторов

Что вы подумаете, если ваш деловой партнер плюнет себе на руку, прежде чем пожать вашу и подписать контракт? А какая-нибудь родственница на свадьбе будет настаивать, чтобы невеста в белоснежной кружевной фате поцеловала выпачканного сажей трубочиста? Поверьте, то, что сейчас кажется сумасшествием, еще 150 лет назад мало кого бы удивило. Чтобы убедиться в этом, мы приглашаем вас совершить путешествие в Англию времен королевы Виктории. Уверяем вас, что в те времена люди были бы очень рады, случись с ними подобное. Почему? А почему невестам нельзя надевать зеленое платье? А кто такие Джек-Прыгун, Ленивый Лоуренс и Кровавые Кости? Какого человека лучше всего увидеть новогодним утром? Ответы на эти вопросы кроются в многочисленных суевериях, страшных историях и преданиях XIX века. И как сегодня из мелких суеверий строится наша с вами жизнь, так и жизнь британцев XIX столетия пронизывали приметы, обряды, бытовые ритуалы, призванные отвести от дома беду.

Фольклорная сторона повседневной жизни британского общества наименее известна российским читателям. А ведь без этих представлений неполным бывает и наше понимание текстов Шекспира, Диккенса, сестер Бронте и даже таких модных современных авторов, как Терри Пратчетт или Нил Гейман. Словом, нам пришлось извлечь из старинных фолиантов хотя бы некоторые, самые типичные, представления британцев об окружающем мире и способах с ним сладить, а также прояснить, какие обычаи и суеверия закрепились в английской литературе со времен XIX века.

Наша книга повествует о повседневной жизни викторианской Англии, но среди ее персонажей вам встретятся фейри, ведьмы и привидения. А как же без них? Ведь вера в сверхъестественное в те времена была намного живее, чем сейчас, когда она подпитывается только телевизионными сериалами.

«Постойте-ка! – перебьет нас читатель, сведущий в истории. – Неужели те самые англичане, которые путешествовали поездами, отсылали сообщения по телеграфу, а с 1880-х годов звонили по телефону и пользовались электричеством – неужели они придавали значение приметам и верили в фей?»

Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно углубиться в английскую историю.

До Реформации Англия была католической страной, но многие церковные празднества впитали в себя языческие традиции, а уж народные гулянья, включая пляски у майского шеста, были языческими насквозь. После протестантской Реформации, коснувшейся Англии в первой половине XVI века, под запрет попало все, так или иначе связанное как с католичеством, так и с язычеством – от латинской мессы до рождественского пудинга. Народная магия приравнивалась к ведовству, фейри стали служителями дьявола, а баллады начали запрещать или переписывать. Еще больший урон английскому фольклору был нанесен в эпоху Просвещения. Народные обряды и верования повсеместно высмеивали как удел невеж. Отсталому суеверному мышлению противопоставлялся новый идеал рационального субъекта, который стремится к развитию интеллекта и накоплению капитала.

В XIX веке гонения на фольклор внезапно прекратились. Этому поспособствовали две тенденции в развитии английского общества – рост национализма и тоска по прошлому. В эпоху романтизма у англичан возникла потребность вновь исследовать родной фольклор и доказать, что он ничуть не хуже европейского. Из объекта презрения фольклор превратился в национальное достояние, им гордились, его пытались сохранить. Началось активное собирание сказок и легенд, достигшее апогея во второй половине XIX века.

В викторианскую эпоху интерес к фольклору обрел новые черты. Из-за индустриализации оставалось все меньше нетронутых уголков, где сохранялись исконные обычаи и где еще могли водиться волшебные существа, которые, как утверждали старики, когда-то повсеместно населяли Британию и Ирландию. Окруженные стенами из красного кирпича и клубами угольного дыма англичане скучали по зеленому цвету, по детству, по волшебству. Хотелось верить, что если городская среда губительна для хрупких фейри, они остались хотя бы среди зеленых холмов.

Чувство утраты заставляло викторианцев сберегать и приумножать остатки традиционной культуры. Писатели использовали народные поверья для придания колорита своим романам, поэты воспевали славные времена короля Артура, художники стремились запечатлеть фей на своих полотнах. Повсеместный интерес к фольклору привел к расцвету этнографии. Собиранием фольклора занимались выходцы из среднего класса и аристократии, мужчины и женщины, включая леди Джейн Уайльд, мать Оскара Уайльда. Этнографы путешествовали по провинции, брали интервью у местных жителей, каталогизировали собранный материал и издавали сборники фольклора. В эти сборники входили местные суеверия и приметы, описания календарных праздников, образцы устного народного творчества, заговоры и рецепты народной медицины, сказки и легенды. Так, уроженец Дербишира С. О. Адди издал сборник «Сказки и образцы традиционной культуры» (1895), посвященный суевериям центральной и северной Англии. Шотландские приметы записывал Дж. Кэмбелл – священник из Тири, чей серьезный интерес к суевериям и колдовству даже поставил под угрозу его карьеру, поскольку прихожане не одобряли такие увлечения своего духовного отца. Эмма Мэри Томас, писавшая под псевдонимом Мари Тревельян, сохранила для потомков сведения о повседневной жизни Уэльса. В 1909 году она опубликовала сборник «Фольклор и народные предания Уэльса», и сегодня являющийся одним из ценнейших трудов в области фольклористики.

Работа фольклористов не прекращалась и в XX веке: в 1970-х в издательстве B. T. Batsford вышла целая серия книг, написанных ведущими этнографами и посвященных культурным традициям различных английских графств. Из недавних публикаций в области английского фольклора следует отметить «Справочник по суевериям Англии и Ирландии» (2003) Стива Роуда, а также его проект в соавторстве с известнейшей фольклористкой Жаклин Симпсон «Словарь английского фольклора» (2000).

Особое место в британском фольклоре принадлежит балладам – поэтическим и песенным переложениям легендарных событий. Среди них выделяются две основные категории – традиционные баллады и так называемые broadside, уличные баллады. Традиционные баллады повествуют о любви и смерти, о жестоких лордах и сметливых крестьянах, о битвах и похождениях народных героев, таких как Робин Гуд. Многие из подобных сюжетов, бытовавших по всей Европе, отражают культурные влияния народов, некогда приходивших в Британию. В отличие от традиционных баллад уличные повествовали о недавних событиях – убийствах, казнях, курьезных происшествиях. Вирши писались корявым слогом и изобиловали клише, но эстетика мало кого волновала. Их

покупали, чтобы всласть поужасаться, так что сюжеты были как на подбор жуткими, хотя и с налетом сентиментальности: за описанием преступлений следовало возмездие, а убийца, уже с петлей на шее, завещал читателям не повторять его поступки. В то время как традиционные баллады входили в репертуар сельских певцов, уличные баллады пользовались успехом среди городских низов. Их печатали на одной стороне бумажного листа (отсюда и название) и продавали на улицах.

В конце XIX века американский фольклорист Фрэнсис Чайлд собрал золотой фонд английских и шотландских баллад, известных в наши дни как «баллады Чайлда». Лишь малая доля этих песен известна русскоязычным читателям, в то время как их тексты были у всех на слуху в Англии XIX века. Мы перевели несколько таких баллад, а там, где длина текстов и количество вариантов внушительны, прибегли к их пересказу Поскольку в сборнике Чайлда за балладами закреплены номера, при желании по ним будет легко отыскать оригинальные тексты баллад в сети Интернет.

Помимо «баллад Чайлда» главам предшествуют и другие популярные в XIX веке баллады, а в книге использованы многочисленные детские и обрядовые песенки и прибаутки: они не только передают своеобразный колорит викторианской эпохи, но и иллюстрируют живучесть традиций и суеверий. Стихотворные тексты, не имеющие отдельного указания на переводчика, переведены нами.

Наконец-то мы вплотную подобрались к сакраментальному вопросу – так верили англичане в приметы и волшебных существ или нет? Мы надеемся, что ответ на этот вопрос читатели отыщут сами, когда доберутся до последней страницы!

Рекогносцировка местности

Прежде чем отправиться в путешествие, давайте ознакомимся с «местом назначения». Викторианская эпоха, получившая название по имени королевы Виктории, правившей Великобританией с 1837 по 1901 год, выбрана нами не

случайно. Несомненно, это один из наиболее известных периодов жизни британского общества. Именно при королеве Виктории Британия превратилась в могущественную империю, подчинившую себе едва ли не половину мира. Питаясь от многочисленных колоний, расцвела не только экономика метрополии, но и ее культура. Со времен Шекспира, все самые известные английские поэты, писатели, художники, изобретатели либо жили во времена викторианства, либо проложили ему путь. Временное течение викторианской эпохи было неоднородным. Начало 40-х годов XIX века, когда юная королева только взошла на престол, – период экономического застоя и безработицы. Но вскоре на смену «голодным сороковым» пришла эра экономического процветания, начало которой положила Всемирная выставка 1851 года. В промышленности и сельском хозяйстве начался подъем, что, в свою очередь, привело к увеличению заработной платы и росту благосостояния населения. Все большее внимание уделялось улучшению стандартов жизни, образованию, медицине, правам человека. Основными тенденциями викторианской эпохи были стремительная индустриализация и урбанизация. Немного статистики: в 1801 году почти 80 % англичан проживали в сельской местности, но уже к 1851 году городское население превысило сельское. С 1841 по 1891 год население Лондона выросло с 1,8 до 4,2 миллионов! Целые семьи снимались с места и переезжали из деревень в города. Результатом миграции стало разрушение традиционного уклада жизни, что, в свою очередь, отразилось на английском фольклоре. Многие обычаи стали постепенно утрачиваться и исчезать, но в то же время их стали записывать, чтобы сохранить хотя бы в воспоминаниях.

Королева Виктория служила символом единения страны, обретения ею национального самосознания. Этому немало способствовал личный пример королевы и ее детей, воспитанных в духе патриотизма. Кроме того, именно тогда активно заговорили о духовном превосходстве англичан над остальными нациями. Появился особый моральный кодекс «джентльменства», основанный на массе светских ритуалов и условностей. Приверженность этикету позволяла разделять «своих» и «чужих», причем не только иностранцев, но и представителей низших классов, которые благодаря развитию промышленности и торговли теперь составляли конкуренцию потомственной аристократии.

Несмотря на постепенную демократизацию, викторианская Англия оставалась классовым обществом. Каждый англичанин в точности знал, какое положение он занимает, и должен был – хотя бы теоретически – исполнять все предписания, относившиеся к его касте. Классовая принадлежность определяла, что следует носить, как и с кем разговаривать, в какое время есть обед, как проводить досуг. Простой плотник не посмел бы сесть в вагон первого класса, даже если бы

скопил достаточно денег на билет. Точно так же барышня из дворянской семьи не решилась бы открыто флиртовать с кавалером, чтобы не испортить свою репутацию.

Всеобъемлющий характер классового общества отнюдь не означал, что все англичане были довольны такой системой. Как художественная литература, так и движения за права рабочих свидетельствуют об обратном. Тем не менее для нас с вами классовая структура очень важна, ведь она определяла отношение англичан к обрядам и суевериям.

Королева Виктория и ее дочь, принцесса Беатрис

И, раз уж нам предстоит визит в страну известную своим строгим следованием этикету мы расскажем об обрядах, распространенных среди простого народа, так и о сложнейших ритуалах знати. Прочитав книгу, вы узнаете о различиях в укладе жизни английских классов, что ели и пили крестьяне и зажиточные горожане, как они отмечали праздники, справляли свадьбы и провожали близких в последний путь. А пока предлагаем вам вкратце ознакомиться со слоями того общества, о котором пойдет речь.

Рабочие и крестьяне. Низший класс общества включал в себя сельскохозяйственных и фабричных работников, шахтеров, рыбаков, строителей, домашнюю прислугу, швей и т. д. Их легко узнать по грязной одежде или униформе, усталым лицам, огрубевшим рукам и простонародному говору. Представители этого класса занимались ручным трудом, зачастую тяжелым и вредным для здоровья. Получая поденную или понедельную плату, они балансировали на грани нищеты. Дети из бедных семей с малых лет устраивались на работу и помогали родителям прокормить себя и своих младших братьев и сестер. По большей части все они оставались неграмотными или полуграмотными, ведь длительное обучение в школе было для них роскошью. Пожалуй, при встрече с англичанами из низов мы могли бы ограничиться кивком и пройти дальше, но поприветствуем их аплодисментами. Ведь именно крестьяне и, чуть меньше, городские рабочие были создателями и носителями фольклора. Именно они совали в маслобойку раскаленную кочергу,

защищая масло от ведьм, и лечились народными средствами, потому что не могли оплатить услуги квалифицированного врача. Сборники английского фольклора, опубликованные в XIX – начале XX веков, основаны на информации, собранной среди английского простонародья.

Средний класс. В общественной и политической жизни викторианской Англии он играл огромную роль. В 1837 году средний класс составлял приблизительно 15 % от общего населения, а 1901 году – около 25 %. Принадлежность к среднему классу зависела не от наличия денег, а от происхождения человека и рода его занятий. Поэтому английский средний класс был группой разношерстной: сюда входили священники, военные, врачи, юристы, профессора, инженеры, торговцы, банкиры, журналисты, бухгалтеры и т. д. Средний класс жил преимущественно в городах, хотя зажиточных фермеров тоже можно отнести к этой категории. Представители среднего класса отличались хорошим образованием и зарабатывали достаточно, чтобы нанять хотя бы одну служанку. Их жены не работали, но вели домашнее хозяйство и руководили прислугой. Дети посещали школу, а затем, возможно, и университет, готовясь пойти по отцовским стопам. Викторианские семейные ценности зародились именно в среднем классе – это трудолюбие, трезвость, пунктуальность, экономное домоводство, разумный подход к браку. Чопорность и чрезмерная стыдливость, а также рабское подражание аристократам тоже были присущи английскому среднему классу. Что касается отношения к народным верованиям и обрядам, разброс во мнениях здесь будет очень велик.

Женщина из народа и дама среднего класса

Фермеры, к примеру, не пренебрегали защитой от нечистой силы и угощали молоком фэйри, да и проживание в сельской местности, пронизанной легендами, укрепляло их связь с фольклором. Зато в семье состоятельного банкира при упоминании домовых господа презрительно пожали бы плечами, считая истории о них россказнями невежественных служанок. Однако вполне возможно, что в этой же самой семье по выходным проводили спиритические сеансы – некоторые суеверия более престижны, чем другие.

Аристократия. Верхушку общественной лестницы занимали аристократия и мелкопоместное дворянство – «джентри». Аристократический титул и владения передавались по наследству, в основном старшему сыну Младшие сыновья пополняли ряды профессионалов, становясь офицерами, священниками или уезжая работать в колонии. Основным источником доходов аристократии была сдача в долгосрочную аренду своих земель, разделенных на фермы. Аристократы проживали в загородных поместьях или городских резиденциях. В отличие от профессионалов из среднего класса землевладельцы не работали за плату, многие из них заседали в парламенте или занимались благотворительностью. От аристократов требовалось участие в светских ритуалах, включая приемы, балы и тому подобные мероприятия. Как это ни парадоксально, аристократические ритуалы во многом близки к народным: в первую очередь своей сложностью, а также тем, что несоблюдение правил влекло за собой негативные последствия: в случае народных обрядов – беды и смерть, светских ритуалов – потерю репутации и остракизм.

На страницах этой книги вы не раз встретите фразы вроде: «В Саффолке было принято…» или «Йоркширцы считали, что…». Некоторые поверья и обычаи встречались по всей Англии, другие же были присущи лишь отдельным графствам, а то и деревням. Чтобы читатель мог сориентироваться, напомним, где располагались английские графства и чем они славились.

В 1801 году, после утверждения Акта об Унии, образовалось Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, что знаменовало полное объединение Британских островов под властью английской короны. Так что с точки зрения географии к нашим услугам, дорогой читатель, вся обширная страна: от острова Джерси у самых берегов Франции до Шетландских островов на севере.

Юго-запад: самую южную оконечность Британии занимает древний Корнуолл. Именно здесь располагается мыс с говорящим названием «Конец земли» (Аендс-Энд). Когда-то корнуолльцы говорили на корнском языке, но последний его носитель скончался в 1777 году, так что в XIX веке жители графства изъяснялись на сносном английском. Здесь вам расскажут предания о короле Артуре и небылицы о пикси, местной разновидности фейри.

Корнуолл специализировался на добыче полезных ископаемых, и шахтерский быт придавал своеобразие жизни в этих краях. В XIX веке родилась даже поговорка: «Если в земле есть дыра, то на дне ее непременно найдешь корнуолльца» – поскольку владельцы шахт во всех концах света охотно нанимали корнуолльцев за их высокую квалификацию.

С востока к Корнуоллу примыкают земли Девона, служившие в XIX веке местом морского отдыха. Само графство жило за счет рыболовства и сельского хозяйства. Строительство железной дороги и массовый туризм также благоприятствовали развитию края. Из Девона происходили легендарные пираты сэр Фрэнсис Дрейк и Уолтер Рейли, поэтому здесь встречаются многочисленные легенды о них. Строки еще одного уроженца этих земель – Сэмюэля Тэйлора Кольриджа – будут не раз процитированы на страницах этой книги.

Дорсет, или Дорсетшир, стал популярен во времена Георга Третьего, когда король приезжал купаться в Уэймут. Благодарные жители Уэймута поставили Георгу памятник на эспланаде, а также весьма почитали его внучку, королеву Викторию. Дорсет был родиной Томаса Гарди, чьи романы изобилуют аллюзиями к фольклору и описывают повседневный уклад жизни этого графства.

Хэмпшир – родина Джейн Остен и Чарльза Диккенса. Морские порты, отдых для скучающих обывателей, прекрасный пейзажи. Отсюда, из Портсмута, отправлялся на Трафальгарскую битву адмирал Нельсон, и отсюда же сотни каторжан отплывали в Австралию на вечное поселение. На юг от Хэмпшира находится остров Уайт, где любила отдыхать, а впоследствии скончалась королева Виктория.

В Сомерсете расположился Бат, модный светский курорт. Помимо балов и вод графство славилось добычей сельди и лосося, овцеводством, а значит, производством шерсти и сыра. Хотя ближе к концу столетия Сомерсет превратился в сельскую глубинку, многочисленные исторические памятники и зеленые луга и по сей день служат хорошей приманкой для туристов. Рядом с Сомерсетом находятся Уилтшир с его Стонхенджем и Глостершир, известный Бристолем, из которого, если верить роману Стивенсона, началось когда-то

плавание за сокровищами Флинта.

Морские купания. Иллюстрация из журнала «Панч»

Юго-Восточная Англия не столь привлекательна для любителей суетной светской жизни. Бакингемширу в XIX веке довелось пережить несколько эпидемий холеры, в результате чего большая часть жителей графства мигрировала за его пределы. Беркшир славился своими земледельцами, поставлявшими в Лондон яблоки, спаржу, лук и выводившими уникальную породу свиней. Овощи и фрукты для лондонцев выращивали и жители Суррея. Сассекс известен торфяниками и меловыми горами, а также мягким климатом, который, несомненно, привлек туда знаменитого Шерлока Холмса. Но если вы не литературный персонаж на покое, Сассекс может показаться несколько скучным, несмотря на древнюю историю, хранящую память об англосаксах. Куда значительнее Кент и Оксфордшир с Кентерберийским собором, Оксфордским университетом и множеством народных преданий.

Восточная Англия. Бедфорд известен кружевами и соломенными шляпами, а также сельскохозяйственными угодьями с тучными пастбищами. Кембриджшир славился своим университетом, Норфолк – своим диалектом, Саффолк – молочным хозяйством и конопляной пенькой. Хартфоршир, расположенный между Лондоном и северо-западными графствами, был прибежищем аристократии. Пожалуй, избранному кругу людей, желающих попасть в высшее английское общество, следует выбрать его или Эссекс – за близость к столице и удобство сообщения.

Регион Ист-Мидлендс – почти центр Англии и ее промышленный оплот. Выделялся ткацким Лестерширом и кожевенным Нортгемптонширом, где в конце XIX века к тому же обнаружили большие запасы железной руды. Впрочем, вам, возможно, придутся по душе Линкольншир и Ноттингемшир, где можно отыскать следы Робин Гуда или познакомиться с поэтом сэром Альфредом Теннисоном, уроженцем Сомерсби (Линкольншир). Ну а те, кто рассчитывает заполучить в мужья мистера Дарси (представим себе, что герой Джейн Остин все-таки существует), непременно должны прогуляться по холмам Дербишира,

ведь именно там якобы располагалось его поместье.

Уэст-Мидлендс – западный край центра. Стаффордшир процветал за счет горной и фабричной промышленности. Фарфоровая глина, в изобилие добываемая здесь, позволила Джозайе Веджвуду и его потомкам создать фабрику-поселение, снабжающую Европу и Америку прекрасным английским фарфором и недорогим фаянсом. Уорикшир знаменит родным городом Шекспира – Стратфордом-на-Эйвоне, а в XIX веке он подарил английской литературе еще одну звезду – Мэри Энн Эванс, печатавшуюся под псевдонимом Джордж Элиот. Здесь же находятся графства Шропшир, Вустершир и Херефордшир, где добывали каменный уголь, свинец, железо, выращивали скот, а также лучший в Англии хмель.

Уэльс, «мягкое подбрюшье» британского дракона, хранил древние традиции и свой национальный язык. Валлийцы охотно поведали бы вам о святом Давиде, покровителе этого края, а также о призрачных черных псах. В XIX веке здесь бурно росла промышленность, развивалось рабочее и профсоюзное движение. Морской порт Кардифф процветал за счет продажи угля за границу. Так что Уэльс – для любителей динамичной жизни и болельщиков регби. Именно в Уэльсе в XIX веке зародилась эта популярная во всем мире игра.

Карта Англии

Северо-Западная Англия. Уэстморленд являлся крупным центром овцеводства. В Чешире родился Льюис Кэрролл и его знаменитый герой – Чеширский Кот. Камберленд пленял древней историей, а Ланкашир снабжал весь регион хлопчатобумажными изделиями. Его крупные города Манчестер и Ливерпуль были оплотом ткацкой промышленности и торговли. Здесь находились «фабрики шерстяные, полотняные, чулочные, писчебумажные, химические, машиностроительные заводы и многие другие; значительно также кораблестроение», – так писали в начале XX века Брокгауз и Ефрон.

Йоркшир, соперник Ланкашира со времен Войны Алой и Белой розы, в XIX веке успешно пользовался плодами прогресса. В Йоркшире были два модных курорта

с минеральными водами – Харрогейт и Скарборо, судоходные каналы, свой уголь, построенная в середине столетия канализация и железная дорога. Вместе с тем в обширном крае оставалось множество деревень, где еще соблюдали старинные обычаи. Именно поэтому англичане со всех концов страны интересовались йоркширским фольклором и верили, что уж тут-то должны водиться феи! Западный Йоркшир сейчас называют «графством Бронте», ведь именно там родились и прожили большую часть жизни сестры-писательницы.

Северо-Восточная Англия. Крупнейшие земли этого региона – графства Нортумберленд и Дарем. Здесь, в Ньюкасле, «джорди» говорили на собственном диалекте, оставленном им в наследство англосаксами. Регион являл собой яркий контраст богатства и нищеты: с одной стороны, крупные промышленники, внедрявшие такие изобретения, как паровой двигатель, электрическая лампа и паровая турбина. С другой – многочисленные работники шахт и верфей с мизерными заработками за неквалифицированный труд.

Устремившись на север, мы упремся в Шотландию с ее высокогорьями и легендами. Шотландский фольклор куда ближе к ирландскому, чем к английскому, – сказывается влияние кельтов.

Как и в соседней Ирландии, вы услышите здесь стоны баньши и поближе познакомитесь с фейри. Но не стоит забывать, что в XIX веке Шотландия, и в особенности Глазго, была центром прогресса. Здесь родились самые видные ученые, инженеры и архитекторы, чья слава распространилась по всему миру – Томас Телфорд, Роберт Стивенсон, Джеймс Уатт и другие знаменитые инженеры, архитекторы и строители.

Ирландии в XIX веке пришлось туго, поэтому, чтобы избрать местом жительства «Изумрудный остров», требовалось много мужества, стойкости и умения переносить невзгоды. В 1840-х годах «Великий голод» лишил Ирландию более миллиона граждан, еще около миллиона иммигрировало в США. На острове постоянно зрело недовольство Англией, зачастую вполне обоснованное, ведь англичане с презрением относились к ирландцам и высмеивали их как невежд. Тем не менее даже они восхищались блистательными, уроженцами Ирландии, такими как Оскар Уайльд и Уильям Батлер Йейтс. Чтобы оценить ирландский фольклор во всем его многообразии, потребовалось бы отдельное полномасштабное исследование, поэтому сведения об ирландских поверьях пришлось свести к минимуму.

Ну, и самое привлекательное место Великобритании, конечно же, ее столица – Лондон!

Обособленность английских городков и деревень способствовала сохранению традиций. Еще в XVIII столетии путешествия были делом хлопотным и дорогостоящим. Многие англичане почти безвылазно просиживали в родных городах и селах, а отъехать на 16 км от дома уже считалось серьезной поездкой! Но в XIX веке ситуация кардинально изменилась.

До наступления викторианской эпохи наиболее популярным средством передвижения из города в город были дилижансы. Дилижанс представлял собой четырехколесную карету с пассажирскими местами внутри и снаружи. Путешествие могло растянуться на несколько дней. В 1742 году дилижанс из Лондона в Бирмингем с остановкой в Оксфорде отъезжал в понедельник и прибывал к месту назначения в среду. Плата за проезд зависела от денежной политики транспортной компании и расстояния. В 1765 году проезд из Дувра в Лондон на дилижансе, запряженном шестеркой лошадей, стоил гинею. В 1784 году в Англии появился еще один вид дилижанса – почтовая карета. Помимо пассажиров такой дилижанс развозил еще и почту. Скорость почтовых кареты достигала: летом 11–13 км/ч и зимой – 8 км/ч.

К середине XIX века самым быстрым и дешевым транспортным средством стали поезда. Железнодорожные пути для транспортировки угля начали прокладывать еще в 1820-х, но железнодорожный бум пришелся на 1840-е. Теперь железные дороги соединили все крупные города. В 1850-х скорость обычных поездов превышала 30 км/ч, курьерских – 60 км/ч. По сравнению с почтовыми каретами, поездки на них обходились дешевле. В 1844 году приняли Железнодорожный акт, согласно которому по каждой ветке как минимум раз в день пускали поезд со стоимостью билета в один пенни за милю. Поскольку поезда ходили часто, жители предместий могли ездить в город за покупками, а горожане – в сельскую местность на выходные, подышать свежим воздухом и отдохнуть от городской суеты.

Раз уж мы заговорили о путешествиях, важно не упустить из вида еще одну деталь. Нам ведь понадобятся деньги!

В викторианскую эпоху в ходу были монеты разного достоинства: полфартинга, фартинг (? пенни), полпенни, пенни, двухпенсовик, трехпенсовик, четырехпенсовик, шестипенсовик, шиллинг (12 пенсов), флорин (2 шиллинга),

полкроны (2,5 шиллинга), крона (5 шиллингов), полсоверена (10 шиллингов), соверен (20 шиллингов). До 1860 года монеты достоинством в один пенни и ниже изготавливали из меди, затем их начали чеканить из бронзы. Шиллинг был серебряной монетой, соверен, т. е. один фунт, – золотой. 21 шиллинг равнялся одной гинее. Хотя эту монету перестали чеканить в начале XIX века, профессионалы из среднего класса получали гонорары именно в гинеях (т. е. в эквивалентных суммах), потому что джентльмену неприлично было брать оплату в фунтах. До середины столетия каждый банк мог выпускать банкноты, которые теряли свою ценность, стоило банку потерпеть финансовый крах. С 1840-х монополия на выпуск банкнот перешла к Английскому банку, Центральному банку Великобритании. Тем не менее бумажные деньги были менее популярными, чем монеты.

Бакалейная лавка. Иллюстрация из журнала «Панч»

А путешествие по страницам этой книги только начинается. Избрав себе общество по душе, регион и подходящий вид транспорта, нам с вами, любезные читатели, пора хотя бы на время оставить современный скептицизм и погрузиться в быт и фольклор викторианцев. Мы готовы отправиться в путь!

I

От рождения до смерти. Человеческая жизнь сквозь призму традиций

1

Свадьбы и замужняя жизнь

С пути я сбился поутру

в июньский день погожий

И повстречался на лугу

С девчонкою пригожей.

Не улыбнулась мне она

На ласковость привета.

«Корову пеструю свою

Я потеряла где-то!»

«Не огорчайся, ангел мой,

Ее я видел в роще.

Пойдем на поиски! Вдвоем,

Найти корову проще!»

«Благодарю вас, добрый сэр,

Что пособили в горе!»

«Пойдем, красавица, поверь,

Найдем пропажу вскоре».

Пробыли в роще целый день,

Ну как тут доискаться?

И лишь густая ночи тень

Заставила расстаться.

С тех пор, как не пройду лужком,

Девчонку вижу эту.

Корову пеструю вдвоем

Мы ищем до рассвета.

(«The Spotted Cow»)

Эта веселая песенка, звучавшая во время гулянок и праздников по всей Англии, прозрачно намекает на то, что Амур подчас может не только принять вид пестрой коровы, но и презреть сословные различия. Если в вашем хозяйстве нет такой удобной животины, поиски которой обеспечат алиби на каждый день, то придется изучить более подробную инструкцию по созданию семьи в викторианском обществе.

Гадания

В своем стремлении разузнать побольше о будущем женихе англичанки мало чем отличались от незамужних девиц по всему миру. Излюбленным способом было гадание. Только представьте себе: морозная ночь, девичья спаленка объята полумраком, а ее хозяйка, затаив дыхание, всматривается… во что? В таинственное послание на дне чайной чашки? В письмена, оставленные улиткой на тарелке с мукой? В обрывки бумаги в наполненном водой медном тазу? Разнообразным гаданиям несть числа. Суженого видели во сне, его отражение мелькало в зеркале, перед которым таинственно мигало пламя свечи, его дух приходил собрать рассыпанные конопляные зерна. Выбор определенного типа гадания зависел как от местных традиций, так и от воображения самой девицы и не в последнюю очередь от наличия свободного времени. Гадание – дело трудоемкое.

Гадать предпочитали по определенным датам, в основном накануне церковных праздников. Ночь перед Рождеством идеально подходила для этих целей, точно так же, как и ночь накануне Дня

Иоанна Крестителя (24 июня), именуемого в России Иваном Купалой. Методы гадания по большей части были взаимозаменяемы, хотя некоторые лучше всего сочетались с определенными праздниками. В Сочельник девушка стучалась в дверь курятника: если первой квохтала курица, на глаза гадальщицы наворачивались слезы. Кудахтанье означало, что девице не суждено выйти замуж, а ведь доля старой девы в викторианской Англии была незавидной. Придется коротать век в семье брата, ухаживая за его отпрысками, или до конца дней хлопотать в родительском доме. Тем приятнее услышать кукареканье петуха, обещавшее свадьбу в течение года.

Кур в гаданиях могли использовали иначе: сырое яйцо выливали в стакан с водой и оставляли на ночь. К утру желток принимал форму, так или иначе связанную с ремеслом будущего мужа. Если желток напоминал ножницы – супруг будет портным, посох – пастухом, башмак – сапожником, молот – каменщиком, ланцет – врачом, перо – писателем и т. д. В небольшом городке можно было сразу же сузить круг возможных женихов. Достаточно отыскать холостого сапожника, и останется только приданое приготовить.

В Сомерсете накануне Дня Иоанна Крестителя девушки бросали за спину пригоршню конопляных зерен и произносили:

Сею-сею коноплю

Для того, кого люблю.

Кому мужем моим быть,

Пусть придет ее косить!

Это гадание было отнюдь не таким невинным, как может показаться. Рассыпав зернышки, девушки бросались наутек. Лишь самые смелые оборачивались на ходу и краем глаза успевали разглядеть дух суженого… который гнался за ними с наточенной косой! Приятная встреча, ничего не скажешь.

На Хэллоуин обыкновенно жгли орехи. Один орех нарекали именем девушки, другой – именем предполагаемого жениха, затем оба ореха бросали в огонь и наблюдали, как они горят. Если орехи сгорали одновременно и близко Друг от друга, свадьбе быть, если порознь – отношения зайдут в тупик. В Девоне это гадание истолковывали несколько иначе. Та девушка, чей орех вспыхнет раньше остальных, первой примерит фату. Ту, чей орех треснет, перед свадьбой бросит

жених. Если орех подпрыгнет, его обладательница вскоре отправится в путешествие, а вот замуж так никогда и не выйдет. Если орех начнет плавиться, девушку ожидают болезнь, разбитое сердце и всевозможные неприятности. Похожим способом гадали на желудях, только огонь заменяли водой. На желудях писали имена предполагаемых женихов, после чего желуди опускали в емкость с водой. Если подплывут друг к Другу, можно готовиться к свадьбе. А уж если прибьются к краям, будто в испуге, то влюбленной паре никогда не бывать вместе.

Не менее часто гадали в канун Дня святого Марка (25 апреля), но именно гадания в ночь перед Днем святой Агнессы (21 января) пользовались особой популярностью. Сама Агнесса была христианской мученицей, казненной во времена императора Диоклетиана. По легенде, перед смертью целомудренную Агнессу приговорили к надругательству и сорвали с нее одежду. Благодаря Божьему вмешательству волосы девушки начали расти, да так быстро, что полностью скрыли ее тело от посторонних взглядов. А поскольку Агнесса, Божьей милостью, погибла девственницей, святая благоволила как к непорочным девицам, так и к тем, кто желал поскорее избавиться от своей невинности – разумеется, законным путем, уже после свадьбы. До Реформации к ней устремлялись молитвы английских католичек. Но даже пуритане, боровшиеся с «пережитками папизма», не смогли повлиять на гадания в канун праздника длинноволосой мученицы.

Именно эту пору воспел поэт XIX века Джон Ките в стихотворении «Канун святой Агнессы». Юная Маделина строго следует всем фольклорным предписаниями и ложится спать без ужина:

В канун святой Агнессы дева может

Во сне вкусить пленительных услад

С любимым, – сна ничто не потревожит —

Так опытные дамы говорят;

Лишь соверши магический обряд:

Не прикасайся к лакомствам и хлебу,

Ложась в постель, не оглянись назад,

Не шевелись, глаза подъемли к небу —

И у небес всего, что ждешь, потребуй.

(Пер. Е. Витковского)

В награду за правильное исполнение ритуала, Маделину ждет встреча с ее возлюбленным Порфиро. Но его бестелесный дух не реет над ее ложем. Вместо сладких снов девушку ожидает не менее желанная реальность. Несмотря на ненависть родичей

Маделины, Порфиро проник в ее замок и дождался любимую в спальне. Следуя поверьям, суженый должен накормить изголодавшуюся девушку, но и с этой задачей Порфиро справился блестяще – принес Маделине изысканные сласти. Девушка осталась довольна. Вместе они бегут из ненавистного замка, в то время как отец Маделины со своей свитой пирует в зале и не может их остановить.

Стихотворение Китса верно отображает суеверия и ритуалы, окружающие канун Дня святой Агнессы. Перед гаданием девушки всегда постились. Как пишет фольклорист Блейкборо, вкушали они исключительно черствый хлеб, запивая его чаем из петрушки. Тем не менее в отличие от целомудренных ритуалов Маделины далеко не все гадания были столь уж романтичны. Взять, к примеру, следующий образец из Йоркшира. В полночь девушка шла на кладбище и срывала травинку с могилы холостяка. Учитывая, что День святой Агнессы выпадает на конец января, отыскать траву в кромешной тьме под коркой льда – само по себе подвигом. На этом приключения не заканчивались. До кладбищенских ворот девушка возвращалась пятясь, спиной вперед, а потом во весь опор бежала домой. Оказавшись в своей комнате, она запирала дверь, а ключ вешала на гвоздь за окном. Наступала самая сложная часть ритуала – раздевание. Бедняжке предстояло раздеться в порядке одевания, т. е. сначала снять предмет гардероба, надетый первым!

В качестве небольшого отступления давайте вспомним, сколько слоев одежды носила на себе порядочная викторианская барышня. Самыми интимными предметами туалета были панталоны и сорочка. Сорочка представляла собой льняное или хлопковое платье без рукавов или с короткими рукавами, длиной по щиколотку. Укороченный вариант сорочки, до талии, назывался лифом и защищал кожу от корсета, который носили поверх лифа. Корсет приподнимал

грудь, суживал талию, сглаживал живот и устранял все неровности фигуры. В свою очередь, поверх корсета надевался корсаж или лиф-чехол, защищавший корсет от верхнего платья, а также скрывавший его от нескромных глаз. Щедро украшенный кружевами, лиф-чехол спускался до талии и расстегивался спереди. Нижняя юбка утепляла одежду и придавала форму платью. В зависимости от веяний моды нижних юбок могло быть несколько. Нельзя забывать и о чулках. Начиная с 1878 года они крепились с помощью подтяжек к поясу, который надевался поверх корсета, или же непосредственно к корсету. До этого времени чулки держались на подвязках чуть выше колен. Так что ответом на загадку «сто одежек и сто застежек» было бы: «викторианская дама в полном комплекте нижнего белья».

Теперь попытаемся представить, как снять корсет перед платьем или лиф, не снимая корсета. А чулки до башмаков? Крестьянки, естественно, не одевались столь изысканно, да и, готовясь к гаданию, наверняка натягивали что попроще. Но сама идея!

Обнажившись, девушка заворачивала заветную травинку в чистый лист бумаги, который клала под подушку. На подоконнике она ставила зажженную свечу и с легким сердцем ложилась спать. Какое-то время спустя дух суженого распахивал окно, забрасывал в комнату ключ и удалялся по-английски, не прощаясь. Как уточняет Блейкборо, при наличии стремянки проделать этот трюк было под силу даже простому смертному.

Кулинарок заинтересует гадание с «немым пирогом», тоже приуроченное к кануну Дня святой Агнессы. В нем принимало участие нечетное число участниц – три, пять или семь. Место действия – кухня, время – с 11 вечера до полуночи, расходные материалы – мука, вода и соль. Каждая девушка зачерпывала пригоршню муки и высыпала на большой лист бумаги. Как только ее рука касалась муки, девушка замолкала и обязывалась молчать вплоть до окончания ритуала. Собственно, отсюда и название «немой пирог». В муку затем добавляли соль и достаточно воды, чтобы замесить тесто. Месили его все участницы по очереди, опять же не произнося ни словечка. Даже если кто-то наступал кому-то на ногу или вытирал липкие пальцы о чужой подол. Раскатав тесто тонким слоем, девушки оставляли на нем свои инициалы. Получившийся пирог ставили в духовку и выпекали до готовности. Происходило все это в звенящей тишине, никто не смел нарушить обет молчания. Особенно страдали болтливые особы, но результат окупал все мучения. С полуночным боем часов к духовке приближался невидимый дух и надавливал на инициалы одной из девиц. Той, кому

доставалась заветная вмятина, суждено было первой выйти замуж. Очень приятное и полезное гадание, учитывая, что после можно полакомиться пирогом.

Мука годилась и для другого гадания, менее аппетитного, зато без трудовых затрат. На присыпанную мукой тарелку сажали улитку, закрывали миской и оставляли на ночь, тем самым давая ей время изобразить что-нибудь читаемое. По слизким следам в муке определяли инициалы жениха. Особенно популярным это гадание было в Ирландии.

Гаданий с помощью всего того, что найдется на кухне, было превеликое множество. Любая наша современница может с легкостью пойти по следам английских гадальщиц. Взять хотя бы яблоки. Простой, казалось бы, фрукт, но с его помощью можно узнать будущее. Зажгите свечу и поставьте перед зеркалом, после чего съешьте яблоко, желательно расчесывая при этом волосы. В зеркале появится лицо суженого, который заглянет вам через плечо. Попросит ли суженый поделиться яблоком, источники не уточняют. А если не появится – что ж, не судьба. Значит, яблоко было недостаточно английским, недостаточно викторианским. Известен и другой способ гадания: срезать с яблока шкурку одной длинной тоненькой полоской и бросить ее через плечо. По форме, принятой упавшим шкурком, можно определить начальную букву имени суженого. В ход пойдут и яблочные косточки. При наличии нескольких ухажеров можно вычислить, кто из них станет будущим мужем. Каждую косточку называют именем одного из кавалеров и лепят ко лбу. Понемногу они начнут отлипать от кожи, а та, что отвалится последней, укажет на жениха.

Близость к морю влияла не только на меню, но также на магические ритуалы. Жители, а точнее жительницы, графства Дарем очень уважали селедку. Чтобы повстречаться с суженым во сне, девушка съедала копченую селедку в один присест и целиком, т. е. с головой, хвостом и жабрами. Во время трапезы гадальщица хранила молчание, что само по себе хорошо, поскольку рыбьей костью легко подавиться. Но, как и в случае с «немым пирогом», молчание имело сакральный смысл – произнесешь хоть слово, и все гадание насмарку. Неудивительно, что окружающие изо всех сил старались спровоцировать гадальщицу, чтобы с ее губ сорвалось восклицание. Младшие братья наверняка скакали вокруг нее и вопили ей в уши. Похожее, но еще более замысловатое гадание было записано на острове Мэн. Там уточняли, что селедку нужно украсть у соседа и съесть, не смывая рассол и ничем не запивая. В таком случае суженый придет во сне не с пустыми руками, а принесет стакан воды. Появления

суженого ждали с особым нетерпением, ведь после селедки пить хочется просто невыносимо.

Еще одной кулинарной составляющей гаданий служила баранья лопатка. Ее применяли не только для любовных гаданий, но и для серьезных предсказаний будущего. С кости соскабливали все мясо и приносили ее местному провидцу. Тот хмурил брови, вглядываясь в царапины и впадинки, и после досконального изучения поверхности изрекал пророчество. Но ни один пророк не сравнится с девицами по части изощренных махинаций. Любовные гадания на лопатке были гораздо сложнее: очищенную от мяса кость обвязывали белой лентой и подвешивали на каминной трубе в спальне. Перочинным ножом, одолженным у холостяка, прокалывали кость в течение девяти ночей, повторяя:

Не эту кость я желаю пронзить —

Любимого сердце хочу поразить.

Пусть он не ведает покоя,

Пока не поговорит со мною.

На десятый день юноша приходил к гадальщице с просьбой забинтовать порез на пальце. Болезненный способ, но чего только не сделаешь со своим любимым во имя своей к нему любви.

Мотив прокалывания предметов, символизирующих тело или сердце мужчины, часто встречается в приворотах. Относительно безвредный способ заключался в том, чтобы пронзить булавками свечу у основания, так чтобы острие прошло через фитиль. Привороту сопутствовал следующий заговор:

Я протыкаю эту свечу,

Сердце (имярек) пронзить я хочу,

Спит иль не дремлет порою ночной,

Только пусть явится он предо мной.

Когда свеча догорит, дух суженого появится рядом.

Другой способ шокирует своей жестокостью не только в отношении лягушки, вечной жертвы магических ритуалов, но и молодого человека, ради которого все затевалось. Сведения об этом привороте были записаны в Восточном Йоркшире в 1890-х. Чтобы вернуть любимого, юная дева проткнула живую лягушку иглами, посадила в коробку и неделю спустя удостоверилась, что амфибия издохла. Когда трупик окончательно разложился, девушка отыскала «жабью косточку», по форме напоминавшую ключ. Эту самую косточку она незаметно воткнула в куртку возлюбленному, прошептав заклинание:

Я не хочу причинить лягушке боль,

Я хочу, чтобы любимый был со мной,

Пускай он себе не находит покоя,

Пока не придет поговорить со мною.

Подобно измученной лягушке, юноша целую неделю томился от странного недомогания. Догадавшись, кто виновник его злоключений, он пришел объясниться с бывшей подругой. Страдалец пообещал взять ее в жены, уточнив, однако, что насильно мил не будешь. Свадьба состоялась, но супруги жили как кошка с собакой. Разве стоило из-за этого так мучить бедную квакушку?

Помимо важных календарных дат новолуние также давало сигнал о начале гаданий. Английские девушки разглядывали молодой месяц через новый, никогда не стиранный шелковый платок. Шелковые нити преломляют свет, так что вместо одной луны можно увидеть несколько. Число увиденных лун соответствовало числу лет, отделяющих гадальщицу от замужества. (Вполне логично; особенно если лун будет слишком много, – кому нужна жена, которая наклюкалась перед гаданием?) Следуя другому методу девушки карабкались на ворота – чем выше, тем лучше, – и оттуда обращались к месяцу:

Хвала луне над землей в вышине!

Добрая луна, открой,

Кто же будущий муж мой.

Той же ночью суженый объявлялся во сне.

Молодой месяц упоминается в гадании, записанном в середине XIX века в Девоне. После первого новолуния в году девицы снимали один чулок и бежали к ближайшим приступкам у изгороди.

Там они ощупывали босую ступню, но не затем, чтобы проверить, на месте ли отмороженные пальцы. Между большим и соседним пальцами они рассчитывали обнаружить волос того самого цвета, который будет у жениха.

К счастью, не для всех гаданий требовалось проводить раскопки на кладбище или упражняться в альпинизме на воротах. Попадались более домашние, безопасные способы. Уроженки Восточной Англии клали двулистный клевер в правый башмак, рассчитывая, что суженым окажется или первый встреченный холостяк, или его тезка. Часто девушки завязывали узелки на подвязке для чулок, клали ее под подушку или наматывали на кроватный столб. Привлеченный интимной деталью туалета, суженый придет во сне, а может статься, что и наяву. Рутинная работа вроде лущения гороха тоже способствовала исполнению желаний. Стручок с девятью горошинами оставляли на пороге кухни: первый вошедший мужчина женится на девице, отыскавшей это чудо природы.

Любовные гадания трудно совместить с христианской доктриной. В XIX веке, как и сейчас, магические ритуалы считались языческими рудиментами. Но верующие во все времена совмещали приятное с полезным, так что приспособили для гаданий даже Священное Писание. Как и в других случаях, способы гадания на Библии варьировались от совсем простых до требующих ловкости рук и пристального внимания. Перед важными событиями или просто под настроение Библию открывали наугад и тыкали в любую строку. Выпавший стих приоткрывал завесу над грядущим. Таким благочестивым ритуалом не брезговали даже самые набожные англиканцы, ведь Священное Писание не может обмануть!

Другим популярнейшим обрядом было гадание с Библией и ключом. Таким способом узнавали имя суженого и даже вычисляли вора. Главное определиться с самого начала, какой из двух целей послужит гадание. А то ведь можно и перепутать. Материалы для него находились в любом английском хозяйстве XVIII–XIX веков: во-первых, Библия; во-вторых, большой ключ. Использование ключа в магических ритуалах обусловлено не только его бытовой функцией, но и

особым статусом железа в английском фольклоре. Ключ закладывали внутрь книги так, чтобы он касался определенного стиха, но чтобы его дужка торчала наружу. Библию с зажатым в ней ключом крепко-накрепко перевязывали – о, кощунство! – подвязкой от чулок. Две гадальщицы просовывали пальцы через дужку ключа, соприкасаясь подушечками, и держали книгу на весу. После зачитывания вслух отрывка из Писания они начинали перечислять имена подозреваемых воришек или потенциальных женихов. Как только книга закачается, вор или суженый будет опознан. Поскольку Библия – это тяжелый фолиант с потемневшими от времени страницами, дрожать она начинала относительно быстро – попробуй-ка удержи такую тяжесть на пальце! Да и подставить кого-нибудь при должной сноровке было не так уж сложно. Для обнаружения нечистой на руку прислуги использовали стих из псалма 49:18: «Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями сообщаешься». Для любовных гаданий подходил отрывок из Книги Руфи 1:16: «Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом». Тот факт, что эти слова Руфь обращает не к любимому, а к своей свекрови, гадальщицы игнорировали.

Из вышеперечисленных примеров складывается впечатление, что любовные гадания – удел прекрасного пола. Это не совсем верно, поскольку юноши, хотя и реже, но тоже интересовались романтическими пророчествами. Мужские гадания отличались минимализмом. Например, в канун Дня святого Марка нужно было занять наблюдательный посту амбара. Ровно в полночь дух будущей жены войдет в одну дверь и выйдет из другой. Один мужчина клялся, что ему привиделась черноволосая красотка, которая впоследствии стала его супругой. Зато другому гадальщику пригрезилось, что через амбар прошествовали мотыга и лопата. Так он и прожил бобылем. Все-таки супруг, у которого бывают такие видения, вряд ли кому-то нужен.

Порой гадания оборачивались бедой, как следует из полуанекдотической истории из Йоркшира. Чтобы узреть будущее, утром первого мая йоркширцы кидали пять белых камешков в реку Грейт Уз. Один аристократ пожелал приобщиться к традициям и узнать, чем в это время занимается его возлюбленная. Как только воды реки разгладились, он увидел ее поместье возле Скарборо. Из окна по веревочной лестнице спускался юнец в маске и плаще-домино. Вне себя от ревности, гадальщик поспешил в поместье, где застал ту самую картину. Прежде чем юноша ступил на землю, разъяренный любовник заколол. А когда сорвал с соперника маску, то увидел искаженное болью лицо своей подруги. Дама собиралась на маскарад и входила в образ бесшабашного

повесы.

Чтобы узнать о своих брачных перспективах, прибегать к гаданиям было даже не обязательно. Деревенские кумушки всегда рады были помочь и подробно объяснить, кто годится для брака, а кому суждено прозябать в одиночестве. Казалось бы, юноша, который всегда точно угадывает время, или девица, умеющая определить на глаз, сколько муки взять для пирога, станут хорошими супругами. Но пути фольклора неисповедимы. В Англии бытовало мнение, что хорошие угадчики не годятся для супружеской жизни. Гораздо милосерднее к догадливым юнцам относились в Ирландии – там им прочили счастливый брак.

Период ухаживаний и подготовка к свадьбе

Свадьбе предшествовал период ухаживаний, варьировавшийся по длительности в зависимости от общественного положения пары. Рассмотрим обряды ухаживания по нисходящей, двигаясь от высших слоев общества к простонародью. Каждому классу были присущи свои ритуалы, отличные друг от друга, но суть их была одна и та же: правильное исполнение ритуалов способствовало благополучию, нарушение общепринятого порядка сурово каралось.

В семьях среднего класса и выше свадьбе предшествовал затяжной период знакомства. До шестнадцати лет английская мисс вела уединенную жизнь в родительском доме или за неприступными стенами пансиона. На прогулки она отправлялась в сопровождении родственницы или гувернантки, в присутствии мужчин хранила молчание. Совсем иная жизнь начиналась с момента, когда девушка считалась принятой в обществе. Об изменении ее статуса свидетельствовало первое появление на официальном балу. Теперь молодые люди, а также их маменьки начинали рассматривать барышню в качестве невесты.

Дебют на балу не означал, что отныне можно пуститься во все тяжкие. Порядочная девушка, дорожившая своей и родительской репутацией, не могла прогуливаться наедине с мужчиной или кататься с ним в карете. Совместные скачки по лесам, тенистым и романтичным, тоже подпадали под запрет.

На конную прогулку приходилось брать грума. Даже переписываться до помолвки было крайне неприлично (но очень захватывающе)! Те легкомысленные особы, что нарушали этот запрет, могли очутиться в положении Мадлен Смит, попавшей под суд за «умышленное убийство» из-за слишком горячей и необдуманной страсти.

Эта история произошла в Глазго в 1857 году. Молоденькая дочь богатого архитектора понравилась бедному, но приятной внешности клерку Пьеру Эмилю Л?Анжельеру, выходцу с Норманнских островов. Л?Анжельер нашел в своей конторе знакомых, которые представили его Мадлен, и внушил девушке сильные чувства. Настолько сильные, что когда она с родителями уехала на лето за город, то начала переписку с возлюбленным, который не смог последовать за ней. Однако отец Мадлен распознал в ухажере «охотника за приданым» и строжайше запретил их общение. По настоянию родителей девушка согласилась на помолвку с другим мужчиной. Но Эмиль хранил ее письма и вовсе не собирался их возвращать. Особенно то, в котором Мадлен обещала «подарить ему свою девственность». Мадлен вынуждена была тайком заходить к Эмилю, в надежде уговорить его вернуть письма, как поступил бы на его месте любой порядочный джентльмен. Уходя, Мадлен угощала Эмиля какао, которое с каждым разом вызывало все большее подозрение у несостоявшегося жениха. В своем дневнике он подробно описывал, когда приходила Мадлен, какого вкуса было какао и сколько дней он болел после того, как его выпивал. 24 марта Эмиля нашли мертвым в его комнате. Причиной смерти стало отравление большой дозой мышьяка. На основании найденных писем и дневника полиция арестовала Мадлен. Ее отдали под суд. Процесс начался в Эдинбурге 30 июня и закончился 9 июля. Среди присяжных были только мужчины.

К счастью для Мадлен, репутация Эмиля не являлась непорочной. Он уже пытался жениться на богатой невесте, но дело прогорело. Кроме того, свидетели описывали его как жестокого и мстительного человека. Яд, обнаруженный в желудке Эмиля, отличался от того мышьяка, который два раза накануне убийства покупала Мадлен, по ее утверждению – в косметических целях. Многие викторианки принимали мышьяк в небольших дозах и умывались раствором с содержанием мышьяка, полагая, что он очищает кожу и поддерживает модную «бледность». На счастье девушки, адвокату удалось доказать, что Эмиль Л?Анжельер покончил жизнь самоубийством,

предварительно подстроив все так, чтобы подозрение пало на Мадлен Смит. Присяжные признали ее невиновной и отпустили прямо в зале суда. Но молва еще долго трепала ее имя, так что Мадлен пришлось сменить и место жительства, и документы. В 1861 году она вышла замуж за Джорджа Уордела, став Леной Уордел. Вместе с мужем она вращалась в кругу прерафаэлитов и не хотела вспоминать историю, которую ей пришлось пережить в двадцать два года из-за запретной переписки.

После выхода в свет у девушки появлялось не в пример больше возможностей повстречать кандидатов на брак. С будущими женихами знакомились на балах, приемах и званых обедах, на сцене домашнего театра, в ложе оперы, за карточным столом.

Как юные леди могут вести себя в високосный год.

Иллюстрация из журнала «Панч»

Но и там строгая мораль не позволяла девицам распускаться. Девушке полагалось вести себя скромно и сдержанно. Флиртовать напропалую было признаком дурных манер.

Но как же узнать мужчину поближе, если нельзя перемолвиться с ним наедине? Многие доверяли выбор заботливым родителям. В поисках подходящего зятя родители обращали внимание не только на его доход, но и на общественное положение, чтобы их дочь не унизила себя браком с представителем низшего сословия. В свою очередь, если мужчина заглядывался на молоденькую красавицу, он мог попросить кого-то из знакомых представить их друг другу. Познакомившись так или иначе, молодые люди начинали осторожно общаться в присутствии как минимум одного родственника. Решающее слово всегда оставалось за родителями, так что после намеков и многозначительных взглядов потенциальный жених отправлялся к отцу девушки. Заручившись его согласием,

молодые люди могли с чистой совестью влюбиться. Наступала помолвка, длившаяся от шести месяцев до года. Во время помолвки нареченные обменивались мелкими подарками, среди которых часто фигурировали медальоны с прядью волос. В случае разрыва помолвки эти приятные мелочи следовало вернуть дарителю (хотя отрезанный локон не вернешь в прическу!). Если за время помолвки нареченные не успевали друг другу разонравиться, наступал черед свадьбы.

Ухаживания английских крестьян не были столь формальными, тем не менее определенный протокол все же соблюдался. Чтобы сообщить девушке о своих чувствах, юноша из графства Норфолк вставлял в петлицу букетик полыни лечебной (Artemisia abrotanum), которую в народе именовали «любовь парня». Прифрантившись, он отправлялся на прогулку. При виде понравившейся девушки он начинал ходить взад и вперед, всеми силами привлекая ее внимание к своей петлице. Пучок «любви парня» указывал на серьезность намерений. Если девушка давала ухажеру от ворот поворот, то притворялась, что не замечает его мельтешение. Отказ получался деликатным. В том случае, если интерес был взаимным, девушка подходила поближе. Краснея и запинаясь, кавалер протягивал ей букетик, и влюбленная парочка отправлялась на первую совместную прогулку.

Букетик из петлицы, как и любой другой подарок, следовало показать родителям. Именно им предстояло решить, быть или не быть следующим встречам. В качестве любовного символа выступали также переплетенные колоски пшеницы – «узелки возлюбленных». Благодаря им у деревенской парочки появлялась возможность общаться на тайном языке. Объяснившись с девушкой, молодой человек прикалывал колоски к рубашке слева, так чтобы они указывали на его сердце. В первое воскресенье после признания он навещал девушку и присматривался, куда она приколола свой колосок. Если к правой груди, то родители отвергли его кандидатуру, если же слева, его сочли достойным женихом. Можно встречаться и дальше.

В викторианскую эпоху мысль о том, что женщина может посвататься к мужчине, казалась смехотворной.

В 1851 годув сатирическом журнале «Панч» появилась карикатура ДжонаЛича под заголовком «Последствия Блумеризма – теперь дамы делают предложение». Изнеженный джентльмен сидит в кресле, в то время как леди, встав на одно колено, умоляет его о взаимности. На даме коротенькая юбочка и панталоны-

блумеры, названные так в честь американки Амелии Блумер, попытавшейся приблизить женскую моду к мужской. «Ответь мне, любимый! – взывает дама. – Будешь ли ты моим?» – «Сначала поговори с моей маменькой», – кокетничает джентльмен. В дверном проеме маячит мужеподобная маменька, одетая точь-в-точь как первая дама.

В то время как лондонские карикатуристы высмеивали равноправие полов, фольклор относился к дамам гораздо милосерднее. В провинции бытовало поверье, что в високосный год женщины могут первыми делать предложение мужчинам. Такую привилегию для прекрасного пола добыла святая Бригитта, пожаловавшаяся святому Патрику на женское бесправие. Почему женщины вынуждены дожидаться предложений? Откуда такая несправедливость? В качестве компромисса Патрик пообещал предоставить им это право один раз в семь лет, но Бригитта продолжала торговаться. В конце концов, остановились на четырех годах. Но англичане в XIX веке оказались более прижимистыми, чем ирландский святой. Популярное мнение гласило, что дамы могут предлагать руку и сердце не в течение всего високосного года, а лишь в тот самый добавочный день, 29 февраля. Зато уж тогда мужчина обязан или принять предложение, или откупиться от дамы – крупной суммой денег, дорогим платьем и т. д.

Незадолго до свадьбы в жизни влюбленной парочки из простонародья наступал опасный период. Суеверия в это время приобретали особое значение, ведь любая неосторожность могла отразиться на семейном счастье. Горе тем нареченным, кого угораздило стать крестными одного и того же ребенка! «Вместе к купели, порознь к алтарю» – гласила поговорка. Этот обычай соблюдался именно на уровне суеверий, поскольку в англиканской церкви отсутствовал запрет на брак между крестными. Очень огорчались те девицы, у чьих женихов фамилия начиналась на туже самую букву что и их девичья. Если сменить фамилию, не меняя первую букву замужество никогда не будет счастливым.

Поцелуи подслащали тяжкую долю влюбленных, но встречаться приходилось в условиях партизанской войны. В Йоркшире любой, кто заставал нареченных обнимающимися, имел полное право потребовать от них денег на «кувшин пива». Склонные к насилию особы набрасывались на горе-жениха, прожигали дырку в его сюртуке или срезали пуговицы. Нечего обниматься до свадьбы, еще будет время натешиться!

Не все помолвленные ограничивались поцелуями. Возможно, наш читатель недоуменно поднимет брови. Секс до брака? В викторианскую эпоху? Ведь всем известно, что викторианские женщины во время этой неприятной процедуры «закрывали глаза и думали об Англии», а ножки рояля в гостиной были целомудренно задрапированы, дабы не искушать воображение своим сходством с женскими ногами. Но оба этих стереотипа являются даже не частью суеверий XIX века, а скорее образцами современного фольклора о XIX веке. Авторство бессмертной фразы приписывается королеве Виктории, якобы такой совет она дала свой дочери перед первой брачной ночью. На самом же деле ее написала леди Хиллингтон в 1912 году: «Я рада, что теперь Чарльз навещает мою спальню реже, чем раньше. Сейчас мне приходится терпеть только два визита в неделю, и когда я слышу его шаги у моей двери, я ложусь в кровать, закрываю глаза, раздвигаю ноги и думаю об Англии». Иными словами, это был не совет для юной невесты, а размышления женщины, давно уже пресытившейся обществом супруга. Что ж, и такое бывает. Сама же королева через неделю после свадьбы написала премьер-министру лорду Мельбурну: «Я никогда и представить не могла, что мне будет уготовано столько счастья».

Миф о задрапированных ножках рояля тоже относится к категории «слышали звон». Впрочем, возник он именно в XIXвеке, а точнее в 1839 году. О таком элементе декора английские читатели узнали из «Американского дневника» капитана Фредерика Мэрриета, описавшего свои приключения в Новом Свете. В своих путевых заметках капитан выставил американцев ханжами, которые употребляют эвфемизм «конечность» вместо грубого слова «нога». Он же описал, как директриса женского учебного заведения нарядила ножки рояля в панталоны с рюшками. Соотечественники Мэрриета всласть посмеялись над зашоренными американцами, сложили на эту тему несколько песенок, и миф о задрапированных ножках пошел в народ. Со временем он стал настолько распространенным, что намертво приклеился к самим англичанам.

Что касается викторианцев, женское целомудрие до брака действительно представлялось идеалом, далеко не всегда совпадавшим с реальностью. В семьях среднего класса нравы были, безусловно, строже. Респектабельные родители считали, что только невежество убережет их дочерей от падения. Не так уж редко девицы выходили замуж в полном неведении о том, что ждет их на брачномложе. Тем не менее, девочки могли узнать «про это» несколькими способами: например, найти у братьев книги с интересными иллюстрациями; понаблюдать за уличными кошками в марте; подслушать болтовню служанок. Узнавая про секс, и в особенности про деторождение, иные барышни приходили в ужас. Секс для них казался чем-то болезненным и постыдным. Даже после

свадьбы они отказывались от половой жизни, тем самым как бы доказывая свое превосходство над мужчинами, повинующихся зову плоти.

В рабочих и крестьянских семьях дела обстояли иначе. Пуританское отношение к сексу наблюдалось среди той части рабочего класса, которая считала себя «солью земли». Несмотря на тяжкие условия труда, на скудную еду и убогое жилище, такие семьи стремились к определенной респектабельности. Мужья не напивались и не сквернословили, жены экономно вели хозяйство, а по воскресеньям вся семья отправлялась в церковь послушать проповедь о спасении. Неудивительно, что в таких семьях, как и в семьях среднего класса, дочерей воспитывали в строгости и целомудрии. В более бедных семьях, где ввиду нехватки жилплощади, тепла и постельного белья взрослые и дети спали вповалку, утаить или предотвратить что-то греховное было попросту невозможно.

В деревнях наблюдалась сходная ситуация. Нужно приложить нечеловеческие усилия, чтобы всю жизнь прожить на ферме и не узнать, откуда берутся телята. Там, где в изобилии молоко, еда и работа, даже незаконнорожденный ребенок не был обузой, поэтому и половая связь до брака не считалась тяжким грехом. Более того, существовала традиция так называемых «проверок» с целью доказать плодородие невесты. Парень брал в жены девушку лишь после того, как она рожала их первого ребенка. Тянуть лямку с бесплодной женой не хотелось ни одному крестьянину. В деревнях, где практиковались «проверки», рождение ребенка до брака не считалось постыдным. Настоящий позор наступал, если за крестинами не следовала свадьба, но это было нечто из ряда вон выходящее и случалось крайне редко. Согласно официальной статистике, в XIX веке около трети женщин выходили замуж уже беременными. Если рассмотреть статистику по отдельным графствам, результат получится еще более впечатляющим. Например, в 1870-х в деревнях Боутон, Данкирк и Хэрнхилл на северо-востоке Кента 50 процентов невест или шли под венец беременными, или успевали родить до брака.

Свадебная церемония

В Англии XIX века существовало несколько способов вступления в брак. Один из них – свадьба после оглашения имен в церкви («marriage by the banns»). В

течение трех воскресений подряд пастор сообщал с кафедры о грядущей свадьбе. В тех случаях, когда жених и невеста проживали в разных приходах, эта процедура проводилась соответственно в двух приходских церквях. Если кто-то знал о препятствиях для брака – например, вторая женушка, припрятанная на чердаке, – он мог заявить об этом во всеуслышание. Если же препятствий не находилось, молодая пара могла обвенчаться в течение 90 дней после последнего оглашения. Такой способ женитьбы был самым дешевым. Согласно йоркширской поговорке, после оглашения нареченные «висели, запутавшись в колокольных веревках». В те дни, когда зачитывали оповещение о предстоящей свадьбе, невесты в церкви не было. Считалось, что если она услышит слова пастора, ее первенец родится глухонемым.

Из-за неприличной дешевизны оглашения в церкви, а также из-за желания избежать огласки люди побогаче предпочитали женитьбу по лицензии. Именно такой способ выбрал мистер Рочестер в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Любой человек, проживший в приходе не менее 15 дней, мог за несколько фунтов приобрести лицензию, позволявшую проводить бракосочетание в этом приходе. По традиции свадьба проводилась по месту жительства невесты, но получение лицензии считалось делом мужским. Во время беседы с пастором жених давал клятву, что является совершеннолетним. Совсем юные парочки приходили под конвоем опекунов. Если нареченные были соседями, проблем с лицензией не возникало. Если влюбленных разделяли многие мили, жених навещал невесту и вместе с ней шел к пастору. Получить лицензию могла и сама невеста, но это считалось неудобным и неприличным. Женская инициатива не поощрялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/harsa_natal-ya/sueveriya-viktorianskoy-anglii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити